

Дорогие читатели!

Перед вами книга, читать которую будет непросто. Будет больно, страшно, а еще будет горько и стыдно за то, как жили наши отцы и деды. Но будет и радостно; вы почувствуете гордость и душевный подъем, вместе с героями книги преследуя врага, настигая его и наказывая за страдания нашего народа. Вы переживете множество прекрасных очищающих эмоций, испытаете истинное читательское наслаждение, и все это благодаря замечательному человеку, написавшему роман «Штрафбат».

Эдуард Володарский сыграл в судьбе российского кинематографа очень важную роль. Может быть, одну из главных, и когда-нибудь киноведа и историки кино отдадут ему за это должное в объеме большем, чем это краткое предисловие.

Володарский принадлежит и советскому, и современному российскому кино одновременно, причем в самых лучших проявлениях и того, и другого. Будучи сценаристом таких киновершин советской эпохи, как «Свой среди чужих – чужой среди своих», «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», он написал сценарии и для нынешних зрителей. «Штрафбат», современное яркое произведение, напрямую восходящее к традиции фильмов Германа и Михалкова, осуществляет этот переход, делает традицию живой.

Эдуарда Яковлевича Володарского не стало в октябре 2012 года. Как многие истинные мужчины, как герои его книг и сценариев, Володарский очень много работал, жег себя без жалости. Говорят, что писал он всегда, без отпусков и выходных. Заканчивал одну тему и тут же брался за другую. В поле его интереса попадали самые разные эпохи и исторические фигуры: Пушкин и Вольф Мессинг, Чапаев и Столыпин. Очевидно, в каждой из них он находил что-то от себя самого, иначе как бы он смог написать о них так точно.

У него было общее и с героями «Штрафбата». В эпоху удалой харьковской юности ему пришлось увидеть тюрьму изнутри; возможно, именно поэтому образы его штрафников так выпуклы и выразительны.

Сериал «Штрафбат» смотрела практически вся страна, никогда рейтинг художественного фильма не был на телевидении таким высоким. Одни зрители, и их оказалось большинство, благодарили авторов фильма за правду о штрафниках, другие не верили, третьи отрицали. Но равнодушных не было.

Теперь у вас, дорогие читатели, появилась возможность прочитать роман, по которому был снят фильм, и решить, на чьей вы стороне.

А. Парфёнова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

...Началась эта история тяжким летом 42-го. Катастрофа случилась пострашнее прорыва немцев к Москве осенью 41-го. Летом вся центральная и южная части тысячекилометрового фронта рухнули, и немецкие танковые колонны устремились к Волге и на юг — к Кавказу. Почти вся западная группа войск была или уничтожена, или попала в плен, или прорывалась из многочисленных «котлов», которые немцы устраивали нам с легкостью шахматных партий. Из резервов Ставки главнокомандующего, из остатков сибирских дивизий, из тех ошметков, что остались от армий фронта, спешно сколачивали защитные рубежи перед Волгой. Главным направлением для танков Гудериана и 6-й армии Паулюса был Сталинград. Армия Манштейна рвалась на Кавказ. За считанные месяцы немецкие войска поглотили огромные территории Европейской части Советского Союза. Гудериан вздыхал, глядя на карту боевых действий, — переварим ли такие пространства? Не загнемся ли от несварения желудка? С Наполеоном такое случилось... Не случится ли подобное с Германией под руководством великого фюрера?

Стол был накрыт в длинном дощатом сарае на окраине деревни — раньше тут был скотный двор. Рассеянный солнечный свет сквозь щели в крыше освещал бутылки

мутного белесого самогона, деревянные миски с огурцами, помидорами и мочеными яблоками, буханки хлеба, нарезанные толстыми ломтями, шматки сала, куски вареного мяса в чугунах, жареных кур, початки вареной кукурузы, кружки домашней колбасы... И всего много, через край.

Перед сараем толпились полураздетые, грязные, в большинстве босые красноармейцы в рваных пропыленных гимнастерках, многие с забинтованными головами, руками и ногами. На грязных бинтах темнели пятна засохшей крови. Изможденные небритые люди угрюмо смотрели на немецкого капитана, затянутого в зеленый полевой мундир. Вокруг толпы, на некотором удалении, стояла цепь немецких автоматчиков.

Подъехала машина с открытым верхом, и из нее выbralся невысокий упитанный майор. Он был в такой же полевой форме, только в петлице поблескивали две молнии — знак войск СС.

— Прошу, господа военнопленные! Кушать подано! — громко на ломаном русском крикнул капитан и махнул стеклом в сторону распахнутых ворот сарая.

Первые входили неуверенно, за ними — быстрее и быстрее. В воротах возник затор, люди протискивались внутрь, чуя запах еды.

— Спокойно! Спокойно! — кричал офицер. — Не надо драться! Всем хватит! Кушайте! Кушайте на здоровье! — И офицер презрительно улыбнулся. — Шнель! Шнель!

Пленные бросались к длинному столу, хватали куски мяса и курятины, рвали зубами, глотали, не прожевывая, и в глазах их стоял безумный голодный блеск.

Небольшая кучка пленных стояла в стороне у стены сарая и угрюмо смотрела, как их товарищи давятся мясом и хлебом, как жадно глотают из алюминиевых кружек самогон, утирая рукавом мокрые губы, как кряхтят, чавкают, толкают друг друга, и не остается в них ничего человеческого, только ярая страсть насыщения.

В этой кучке пленных стоял и Василий Степанович Твердохлебов. На воротнике выцветшей гимнастерки проступали темные следы от двух шпал, что означало звание майора. Он стоял, высокий, костистый и широкоплечий, опустив большие клешневидные ручки и подняв большую голову с седой спутанной шевелюрой, глядя перед собой глубоко сидящими глазами.

— Жрут, сволочи... гляди, Василий Степаныч, жрут... — сглотнув слюну, с ненавистью проговорил маленького роста чернявый мужик в рваной гимнастерке, с забинтованной грязным окровавленным бинтом головой. — Ну, сволочи...

— Почему сволочи? — негромко сказал Твердохлебов. — Голод, брат, не тетка...

Чернявый оглянулся на Твердохлебова, но ничего не ответил. И стоявшие вокруг майора тоже взглянули на него то ли с осуждением, то ли с вопросом. Но молчали, глотали слюну, чувствуя, что даже головы начинают кружиться — так хотелось жрать, не есть, именно жрать, и в животах бурчит все сильнее...

А вокруг стола продолжали давиться, кашлять, пить торопливыми глотками самогон, и уже вырывали бутылки друг у друга, расплескивая самогон на землю, распихивали по карманам куски мяса, за пазуху совали хлеб и снова рвали, глотали, давились, не в силах остановиться.

В сером проеме дверей появились капитан и майор-эсэсовец. Майор молча разглядывал пленных, а капитан, похлопывая стеком по голенищу надраенного сапога, крикнул:

— Хватит, свиньи, достаточно! Я сказал — прекратить! Там еще много голодных! — Он ткнул стеком куда-то за спину.

Но остановиться пленные не могли. Скривившись, капитан махнул рукой, в сарай вошли автоматчики и стали отгонять пленных от стола. Били прикладами в спи-

ны, плечи, по головам. Пленные уклонялись от ударов, но от стола не отходили.

И тогда прогремели выстрелы. Двое пленных рухнули прямо у стола. Их глаза удивленно смотрели на дырявую крышу, скрюченные пальцы еще держали куски курятины.

— Я приказал — всем выходить! — Офицер повернулся, шагнул к Твердохлебову, стеклом обвел кучку пленных, сбившихся вокруг него. — Вы останьтесь!

Автоматчики, подгоняя пленных прикладами, освободили сарай. Остались порушенный стол и двое убитых красноармейцев.

— Это — скот! Быдло! Они будут подыхать в лагере! — указав стеклом в распахнутые ворота сарая, проговорил офицер. — Вы есть настоящие солдаты! И вас я приглашаю воевать вместе с нами. Не за великую Германию, нет! Воевать против большевиков за Россию! После победы Германии Россией нужно будет управлять! Вот вы и будете управлять свободной Россией! Так говорит ваш генерал Власов!

Пленные молчали. Офицер шагнул еще ближе, ткнул стеклом в грудь Твердохлебова:

— Ты!

— Нет, — хрипло ответил Твердохлебов, глядя в глаза офицеру.

— Ты! — Офицер ткнул стеклом в грудь чернявого.

— Не дожدهшься, — резко ответил тот.

— Ты! — Стек уперся в грудь следующему пленному.

— Катись ты, дядя, колбаской по Малой Спасской...

— Ты?

— Нет!

— Ты?

— Да пошел ты!

— Ты?

— Как все, так и я!

— Ты?

— А я пойду. — Вперед шагнул невысокого роста крепыш. — Против большевиков пойду служить — и баста! Офицер не без удовольствия посмотрел на него:

— Фамилия?

— Капитан Евсеев Николай Сергеевич.

— Хорошо, капитан, мы приветствуем ваше мужественное решение. Можете выйти туда. — Он указал рукой на выход из сарая.

— А я тоже пойду! Мне эти жида и коммунисты вот где! — Высокий, длиннорукий старший лейтенант чиркнул себя ладонью по шее. — Христопродавцы!

— Как фамилия?

— Сазонов Александр Христофорович.

— Можете выйти туда. — Офицер вновь указал на выход из сарая и двинулся дальше. — Ты?

— А что, пожалуй, пойду послужу, чем подышать как собаке... — Еще один красноармеец сделал три шага вперед. — Сержант Клячко Андрей Остапович.

— Можешь выйти туда. — Офицер шагнул дальше. — Ты?

— Троих предателей нашел, мало, да? Больше не ищи!

— Достаточно! — раздался резкий голос майора. — Всех ликвидировать. Я уже говорил вам, капитан, ваши дурацкие опыты ни к чему не приведут. Скажите им, они настоящие солдаты, и я уважаю их, — и майор вышел из сарая.

Офицер и сам понял, что дальше спрашивать не имеет смысла. Он отступил на несколько шагов, окинул взглядом оставшихся красноармейцев и повторил:

— Вы — настоящие солдаты. И я уважаю вас. Поэтому вас расстреляют. — Он развернулся и вышел из сарая, похлопывая стеклом по голенищу сапога.

Их построили у края ямы, которую они сами себе вырыли. В кучах земли остались воткнутые лопаты. Это была окраина деревни, и вдалеке виднелся тот самый сарай, где был накрыт стол для пленных красноармей-

цев, а дальше тянулись сожженные избы, пепелища, из которых торчали печные трубы. Евсееву, Сазонову и Клячко дали в руки автоматы и поставили в строй среди немецких солдат.

— Вот и нашлось вам дело, ребята! — звонко сказал Твердохлебов предателям.

— Заткнись, сука! — злобно ответил Сазонов, передегивая затвор автомата.

— Прощайте, мужики, — проговорил Твердохлебов.

— Прощайте... прощайте... прощайте, — повторили негромкие голоса.

Твердохлебов взглянул на бледно-синее, выгоревшее небо, с трудом проглотил ком в горле, и кадык на его заросшей шее судорожно дернулся вверх-вниз. Не было никаких мыслей, в голове пусто и гулко, и гул этот плыл вдаль, и казалось ему, что вот сейчас он и сам поплывет над землей к небу. И вдруг память больно резануло...

...Он уходил на войну. Нехитрые пожитки давно были собраны в небольшой фибровый чемодан. Вера пришила последнюю пуговицу, зубами откусила нитку, приподняла шинель обеими руками, расправила, и Василий вдел руки в рукава, застегнулся на все пуговицы. Жена подала широкий ремень с портупеей и пистолетной кобурой. Василий надел портупеею, затянул ремень, разгладил складки и улыбнулся широко, глядя в тревожные глаза жены:

— Только не куксись. Ты женщина к военной жизни привыкшая... — Он многозначительно поднял палец вверх. — Ты жена командира полка. Улавливаешь?

— Да уж... — через силу улыбнулась Вера. — Давно уж уловила...

— Сашку береги... ну, и сама...

— Да, да... — Она обняла его, привстала на цыпочки и стала жадно целовать, и тело ее все затрепетало, напряглось, и сдавленный стон вырвался из груди.

— Ну, ну, Вера, я сказал — не кукуйся... Все будет хорошо. Ты только жди... Это дело долго не протянется, мы их за пару месяцев порешим. Слово даю, Веруня...

Он поднял чемоданчик, она взяла его под руку, так они и вышли из двухэтажного длинного строения, которое называлось офицерской казармой полка.

У входа стоял «газик» с открытым верхом, мотор уже работал. В «газике» сидели водитель — старший сержант с соломенным чубом, выбивавшимся из-под пилотки, и на заднем сиденье — комиссар полка Виктор Сергеевич Дубинин.

Твердохлебов еще раз поцеловал жену и забрался в «газик». Машина рванула и быстро покатила по узкой асфальтированной дорожке военного городка. Казармы были пусты — полк уже выступил в поход. Вера стояла и махала рукой. Из дома вышла еще одна женщина, еще одна, и скоро их стояло уже человек семь или восемь, и все махали руками, удалялись и уменьшались... уменьшались... секунда — и пропали из вида. Твердохлебов перестал смотреть назад. В голове вертелись слова песни:

Слушай, товарищ, война началась.
Бросай свое дело, в поход собирайся...

А ему и не надо бросать свое дело, война и есть его прямое дело. Твердохлебов вздохнул с облегчением, улыбнулся, взглянув на комиссара:

— Не люблю эти прощания...

— Да уж, веселого мало, — думая о своем, ответил комиссар.

— Ничего, отвоюем и вернемся! Как, Виктор Сергеич, повоеем с проклятым фашистом?

— Да уж, придется...

Отрывисто и резко звучала команда немецкого офицера. Солдаты вскинули автоматы, передернули затворы. И Евсеев, Сазонов и Клячко тоже неуверенно подняли автоматы.

— Не промахнитесь, иуды, — громко проговорил Твердохлебов.

— Лично для тебя постараюсь, — зло ответил Евсеев, загремев затвором автомата.

— Фойер! — пролаял офицер, и застучали автоматные очереди. Пленные красноармейцы падали в яму один за другим. Потом солдаты подошли к краю ямы и выпустили еще несколько очередей.

Подогнали новых пленных. Они взялись за лопаты и принялись забрасывать расстрелянных землей. Скоро вырос невысокий холмик. Вот и все.

— Вот и все, — сказал один из пленных, поглаживая черенок лопаты. — Недолго музыка играла, недолго фрейер танцевал...

А ночью, ясной августовской ночью, когда холодная белая луна лила свой мертвенный свет и звезды были большими и ослепительными и висели совсем низко, земля на холмике, под которым лежали расстрелянные, вдруг зашевелилась, словно задышала, стала медленно приподниматься. Комья сыпались в стороны, потом вырос бугорок, стал раздвигаться, и вот, будто видение, появилась оттуда грязная рука, потом плечо и, наконец, голова человека. Это был Василий Твердохлебов. Он с трудом выбрался наверх и долго лежал на разрытой земле, тяжело дыша грудью, черной от засохшей крови. Потом медленно поднялся и, шатаясь, пошел в ночь, в неизвестность. Где-то далеко в ночи тяжело ворочалась война — доносились отзвуки артиллерийской канонады, тяжкие взрывы дрожью отзывались, катились по земле. В ярком звездном небе прошли на восток, густо ревя, немецкие самолеты. Бомбардировщики...

В глухом лесу на поляне горел небольшой костер, и возле костра сидели трое — заросшие щетиной, которая уже походила на бороды, в рваных гимнастерках и солдатских галифе с прохудившимися коленями. Подле каждого лежал немецкий автомат. Мужики молчали, курили и смотрели на рыжие хвосты пламени, мечущиеся под дуновениями ночного ветра.

В лесной чаще послышался хруст сучьев, покашливание.

Сидевшие у костра схватились за автоматы, замерли, напряглись. И пальцы сами легли на спусковые крючки.

На поляну вышел худой оборванный бородатый человек в галифе и гражданском пиджаке, надетом на голое тело. В руках у него была винтовка. Он остановился, приглядываясь, спросил сиплым голосом:

— Э-э, славяне... вы че тут?

— А ты че тут? — в свою очередь спросил его один из троих, постарше.

— Я ж говорю, свои! — радостно просипел человек в гражданском пиджаке, обернувшись в лесную чащу.

Треск сучьев сделался громче и гуще, и на поляну стали выходить красноармейцы, человек пятнадцать. Вид у них был не лучше, чем у тех, кто сидел у костра, а у многих забинтованы заскорузлыми старыми бинтами головы, руки, плечи.

— Ну, здорово... — загомонили гости.

— Здорово, я бык, а ты — корова... — неласково ответили хозяева.

— Ну, братцы, тьма поднебесная! Идем и сами не знаем куда. Где восток, где запад — хрен разберешь!

— На востоке канонаду слышно — туда и топать надо.

— Так ее и на севере слышно, и на юге — кругом война!

— А вы чьи?

— Сто семнадцатая стрелковая бригада Горянова, двести второй полк. А вы?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	7
Глава вторая	48
Глава третья	86
Глава четвертая	124
Глава пятая	163
Глава шестая	202
Глава седьмая	243
Глава восьмая	286
Глава девятая	324
Глава десятая	363
Глава одиннадцатая	402
Штрафные батальоны Красной Армии (1942–1945 гг.)	443